
ОСОБЕННОСТИ МОЛОДОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА (на материале альманаха павлодарского литературного общества «Меркурий»)*

Е.П. Гаранина, Л.Е. Токатова

Павлодарский государственный педагогический институт
ул. Мира, 60, г. Павлодар, Республика Казахстан

В статье рассматриваются некоторые содержательные и художественные черты творчества молодых русскоязычных писателей Казахстана на примере альманаха «Нигилист», изданного павлодарским литературным обществом «Меркурий». Как характерные особенности выделяются и анализируются саморефлексия, предельная субъективизация и антропоцентричность творчества участников альманаха.

Ключевые слова: региональная литература, русскоязычная литература Казахстана, художественное единство, субъективизация, антропоцентричность

Введение

В современном мире понятие литературы стремительно меняется. В течение долгого времени литература считалась (и была на самом деле) элитарным искусством, заниматься которым мог не каждый — и не только в смысле таланта, но и в смысле возможности публиковаться, выходить в свет, становиться известным читателю. Писатель, творящий «в стол», рисковал тем, что его произведения так и останутся «в столе» (хотя, конечно, существовали самиздатовские публикации). Особенно большие трудности на этом пути ожидали провинциальных авторов, которым приходилось ожидать публикации иногда годами.

Но свобода печати, пришедшая на смену жесткой цензуре, распространение коммерческого книгопечатания, а главное — распространение информационных технологий и возникновение и развитие сетевой литературы привело к тому, что сегодня любой пишущий может найти своего читателя. При этом местожительство, возраст, профессиональный статус пишущего перестают играть решающую роль — в Сети, в сущности, одинаковые возможности имеют и провинциал, и столичный житель, и молодой, и опытный авторы, и члены всевозможных писательских союзов, и те, кто никогда в них не состоял. Неудивительно, что в связи с этим молодая региональная литература переживает в настоящее время если не расцвет, то по крайней мере подъем: появляются новые авторы, новые литературные объединения, которые в каком-то смысле, пожалуй, противостоят если не «старым», то традиционным литературным организациям.

---

* Статья выполнена при поддержке гранта МОН РК (договор № 290 от 12.02.2015 г.) по направлению «Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук».

Из истории альманаха «Нигилист»

В этой статье речь пойдет о молодом литературном обществе — закрытом молодежном литературном клубе «Меркурий», который в павлодарской культуре представляет литературный авангард. Несмотря на региональный характер общества, многие его творческие черты характерны для молодой русскоязычной литературы вообще, прежде всего — сетевой.

Общество начиналось как объединение нескольких молодых поэтов и прозаиков, связанных не только творческими интересами, но и дружескими отношениями. Один из зачинателей общества, молодой поэт Илья Аргентум, так описывает возникновение «Меркурия»:

Официальным днем рождения клуба мы считаем 6 июня (2014 год), день рождения Пушкина, когда во время традиционного поэтического Пушкинского марафона трое членов клуба со сцены во всеулышание объявили о создании новой культурной организации в Павлодаре. Но сам процесс рождения начался задолго до этой знаменательной даты. Еще в начале весны 2014 г. Илья Аргентум и Юлия Куркан задумались о создании нового литературного объединения, подобно «Реверсу» и «Спектру», восход и закат которых мы пережили вместе, будучи их соучредителями. В течение весны жители для будущей «поэтической планеты» нашлись сами собой: случайные знакомства оказывались неслучайными и перерастали в крепкие дружеские и творческие связи. Инициативный костяк будущего клуба состоял из Ильи Аргентума, Юлии Куркан и Дияра Машрапова, а также «крестной матери клуба» Светланы Мясоедовой, что всегда «мысленно с нами». После «Поэзосферы», что состоялась в середине апреля на базе павлодарского центра йоги и медитации «Джагрити», к компании присоединились Алексей Шихалев и Валентина Деркачевская. 9 мая было решено создать клуб, и в течение всего месяца шло обсуждение, что новое объединение будет из себя представлять и как организовать его работу, чтобы новое лито не постигла участь его предшественников. К началу лета в клубе появились Гайнель-Хаят Машрапова и Кира Зонкер (Валентина Шпилова). Коллектив из 8 человек сформировался — и литературная жизнь в «Меркурии» забила ключом [1].

Первые публичные выступления членов общества носили характер перфомансов и концертов:

Лето 2014 года оказалось крайне продуктивным для клуба. За весенние и летние месяцы были устроены такие события, как «Симпозиум латентных юмористов», «Поэзия двадцатилетних! Непоследний звонок», «Звучание», «Пикник на обочине-5» и другое.

В середине лета вдохновленные примером инициативного деятеля молодежной культуры Анны Мотиной «клубни» организовали в Областной библиотеке им. С. Торайгырова арт-сушку, где на бельевых веревках развешали свои и чужие поэтические и прозаические тексты, чтобы каждый желающий мог забрать понравившееся ему произведение с собой. Идея себя оправдала, и ассортимент произведений необходимо было периодически обновлять, заполняя опустевшие на веревках места. Со временем неприглядные веревки на стенной панели были заменены на более функциональные и не столь вызывающие книжные стенды: три такие подставки под общим знаком «Меркурия», встречающих книголюбов

возле каталогов, знакомят посетителей библиотеки с новинками клубной литературы.

В конце лета 2014 года клуб начал активно сотрудничать с Центром обслуживания молодежи и, в частности, с Конгрессом молодежи Казахстана, на базе которого прошел литературно-музыкальный концерт «Пришельцы с Меркурия» (Илья Аргентум).

В 2015 году у «Меркурия» вышел в свет первый номер литературно-художественного альманаха «Нигилист», о котором и пойдет речь в данной статье.

В альманахе включено творчество одиннадцати членов литературного общества: пятерых прозаиков (Кира Зонкер, Юлия Куркан, Дияр Машрапов, Алексей Шихалев, Джон Доу) и пятерых поэтов (Илья Аргентум, Анастасия Кулик, Валентина Деркачева, Светлана Мясоедова и Костя Павлов). Одиннадцатый участник общества — Гайнель-Хаят Машрапова — представлена и прозой, и стихами. Кроме этого, в разделе «Современники и современницы» (с подзаголовком «друзья и знакомые клуба «Меркурий»») опубликованы стихи Георгия Василенко, Светланы Цымбал, Александра Черкашина и Влада Тень, а также проза Дарьи Лихачевой. У каждого из авторов опубликовано по три текста, которые, по-видимому, считаются наиболее репрезентативными для данного поэта или прозаика. Таким образом, альманах содержит сорок восемь произведений.

Характерной чертой авторов альманаха можно назвать склонность к саморефлексии и теоретизированию, которые, кстати сказать, вообще свойственны тем авторам, особенно молодым, которые видят в своем творчестве знамение времени (поневоле вспоминается «Только мы — лицо нашего времени» футуристов). Рассказывая о возникновении «Меркурия», Илья Аргентум пишет:

Молодежный закрытый литературный клуб «Меркурий» представляет собой собрание свободных художников слова, объединенных желанием создавать новую павлодарскую литературу.

Таким образом, можно видеть, что «Меркурий» ставит перед собой определенную (и достаточно амбициозную) задачу — стать новым лицом павлодарской литературы, представлять новое поколение, которое придет с новым словом. Поэтому, вероятно, меркурианцам важно обратиться к потенциальному читателю с разъяснением своих задач, своих идей, своих представлений о сущности современной литературы вообще и собственного творчества в частности. Несмотря на то, что общество является, как выражаются его организаторы, «закрытым», его члены воспринимают свое творчество не как их личное, сугубо частное дело, но как определенного рода культурную миссию. Поэтому авторы альманаха не только представляют свои произведения, но и характеризуют их, анализируют особенности своего стиля.

В связи с этим альманах начинается с предисловия «От создателей альманаха» (оно написано Кирой Зонкер), в котором объясняется его название — «Нигилист». Нигилизм меркурианцы толкуют как философию переосмысления ценностей, свойственную, по их мнению, всей современной эпохе:

Чтобы объяснить публике выбор такого названия, надо начать с того, что слово «нигилизм» часто трактуется обобщенно и порой даже однобоко. Ницше, например,

под нигилизмом понимал общее настроение современной ему эпохи, а эпоха та, как известно, была переходной. Кроме Ницше этой точки зрения придерживались Сартр, Хайдеггер, Делёз, Деррида и другие. Переходность своей эпохи подмечаем в творчестве и мы. То есть, в нашем случае нигилизм не стоит понимать как абсолютное отрицание ценностей — это лишь их переоценка.

Нигилизм как способ мышления характерен для всех переходных периодов, это неизбежная часть процесса развития, необходимое для данного отрывка времени критическое восприятие. Ценности не отвергаются окончательно, а лишь переосмысливаются; на месте старых норм возникают новые, идеалы прежней культуры неизбежно трансформируются [1. С. 3].

В этом объяснении можно отметить два характерных момента. Во-первых, стремление обозначить свою общность с некой существующей традицией — в данном случае с европейской философией XX в. — той ее линией, которая идет от Ницше. Обращение к Ницше как философской основе очень показательно. Трагическое мироощущение, чувство не просто психологического, но глобального одиночества человека в мире, ощущение распадающегося мира, парадоксальное соединение беспомощности и «сверхчеловечности» — все это было свойственно эпохе Ницше и в не меньшей мере свойственно и нашей эпохе. И все эти черты, как покажет дальнейший анализ, характерны и для творчества меркурианцев.

Сами члены литературного общества чувствуют свою близость к этой традиции и отмечают эту близость в предисловии к альманаху:

Ныне изменения ценностей отражаются во всех областях культуры: кинематографе, живописи, музыке и литературе. По продуктам культуры можно отследить, в какую сторону идет процесс изменения, ибо авторы этих продуктов хорошо чувствуют общественное настроение в каждую заданную эпоху. Надеемся, что и мы не исключение этому правилу [1. С. 3].

Во-вторых, характерно ощущение себя не только продолжателями традиций, но и создателями нового. Если философская ницшеанская линия — это воспринятая традиция, то литература конца XX в. — это традиция, от которой члены авторы альманаха отталкиваются. Несмотря на то, что нигилизм в их трактовке — это не отрицание, но переосмысление существующих ценностей, показательно уже само признание того, что существующие ценности требуют переосмысления и переоценки. Культура предшествующей эпохи воспринимается как почва, богатая, но ценная именно тем, что на ней может вырасти нечто новое:

Выросшие в атмосфере «разложения», мы получили в наследство богатый гумус, и если задачей нашего поколения является не только «догнывание недогнившего», к чему мы готовы, то мы искренне надеемся посеять нечто новое, что даст в будущем свои литературные плоды [1. С. 3].

Интересно отметить, что именно это ощущение своего «промежуточного положения», принадлежности к поколению, которое принадлежит одновременно и к эпохе разложения, и к эпохе созидания, пронизывает мироощущение многих авторов альманаха.

«Нигилист» — первый альманах нового литературного общества, так что его задачей является представить молодых поэтов и прозаиков читающей публике. Большинство авторов этого альманаха уже имеют публикации в Сети (например, на известных российских литературных интернет-порталах <http://www.stihi.ru/> и <https://www.proza.ru>), но как некая литературная общность они предстают в печатном издании впервые. Функцию представления в альманахе выполняют не только сами произведения, но и краткие вступления-характеристики авторов, размещенные перед текстами (такие вступления предпосланы только произведениям членов «Меркурия»; авторы из раздела «Современники и современницы. Друзья и знакомые клуба “Меркурий”» вступлений не имеют). Написаны вступления (в альманахе они названы конферансами) самими авторами альманаха: например, конферансы для Киры Зонкер и Дияра Машрапова создавал Илья Аргентум, автор конферанса для Ильи Аргентума — Юлия Куркан, конферанс для Юлии Куркан сочинял Дияр Машрапов, конферанс для Анастасии Кулик — Гайнель-Хаят Машрапова и т.д. Такой прием представления авторов является в общем традиционным для альманахов, журналов и сборников. Важная черта вступлений «Нигилиста» — их неофициальный характер. Они не содержат биографической информации о месте и времени рождения, месте работы или учебы, перечисления предыдущих публикаций. В них нет фотографий авторов. Эти вступления носят скорее художественный характер, метафорически представляя особенности стиля и содержания произведений писателя. Приведем для примера, характеристика-вступление к произведениям Дияра Машрапова:

Ироничная мизантропия и язвительная социопатия — такова на первый взгляд основа творчества, наверное, самого экзистенциального из молодых авторов современного Павлодара. Но первое впечатление рвотного отвращения ко свинцовым мерзостям жизни, которые бесстрастный прозаик немилосердно выворачивает наружу, препарировав больное тело социума скальпелем слова, — это первое впечатление обманчиво. Да, его поэзия пропитана болью, но болью за то прекрасное, которое тонет в моральных нечистотах современности. Да, его проза бесчеловечно жестока, но, быть может, жестокость эта проистекает оттого, что одуревшую в духовном растлении современность не привести в чувства иначе, как злобной пощечиной сатирического абсурда — в надежде на духовное пробуждение. Таков Дияр Машрапов! [1. С. 35]

Вступления стилистически предваряют сами тексты, так или иначе соотносясь с тем, о чем и как написаны произведения каждого автора. Таким образом, автор в «Нигилисте» оказывается не реально-биографической, но литературной фигурой; в каком-то смысле автор — такой же результат творчества, как и его тексты. Автор — не человек, он — тот, кто произносит (или пишет) текст, он сам — текст. Интересно отметить, что только один автор из состава «Меркурия» не имеет вступления — и его имя (псевдоним) «Джон Доу». Джон Доу, как известно, это экземплификант, условное обозначение неизвестного человека (или неопознанного тела) в судебной или медицинской системе США. Таким образом, этот автор отказывается даже от художественно-метафорического представления своей личности, говоря с читателем только текстами.

Вообще интересно отметить, что в альманахе встречаются как авторы, фигурирующие под реальными именами, так и те, кто опубликован под псевдонима-

ми: уже упомянутый Джон Доу, Илья Аргентум, Влад Тень, Кира Зонкер. Насколько можно судить, псевдонимы выполняют ту же самую функцию, что и метафорические вступления: они выводят фигуру автора за пределы реальной человеческой биографии, соединяют автора и текст. Про Джона Доу уже было сказано выше; Влад Тень (его произведения опубликованы в разделе «Современники и современницы») представлен стихами, в которых повторяются мотивы колеблющегося света, огня и тени, пространство в его стихах лишено устойчивости и определенности, наполнено колебаниями и игрой — опять же света и тени:

Свеча раздражается, плещет, мелькает за гранью оттенка цветного глазка. // Я все понимаю, но как-то устал от сомнений... // Есть взлет преломляющий, ветер падений куда-то на дальнюю весть. В берегах // Чьи-то нежные тени качают в ладонях рождение [1. С. 83].

С псевдонимом Ильи Аргентума (*argentum* — серебро) метафорически связано вступление, характеризующее его стихи: упоминание серого и черного цвета (червленое серебро), ассоциирующихся с меланхолией и грустью:

Его поэзия похожа на изящное переплетение кружев, на острые пики готических башен, на позолоту позднего барокко... Он часто впадает в меланхолию, своими стихотворениями разрисовывая мир в тысячи оттенков черного и серого. И он же, стряхнув грусть с кончика своего карандаша, внезапно говорит вам: «Все будет хорошо! В этой жизни невозможно иначе! [1. С. 11]

Характерные черты творчества «меркурианцев»

Творчество молодых авторов, представленных в альманахе, разнообразно, но можно выделить несколько черт, которые свойственны практически всем писателям-«меркурианцам». Эти же черты делают их и характерными представителями современной сетевой литературы, особенно — молодой литературы. Прежде всего следует сказать о заложенной в тексты предельной субъективности взгляда на мир. Мир, окружающая реальность не существуют как объективная самостоятельная ценность, независимая от сознания человека. Текст может быть написан от первого лица, или от третьего лица, но и в том, и в другом случае взгляд героя организует изображаемую реальность. Поэтому описание мира почти всегда в той или иной мере импрессионистично: оно всегда включает впечатление и восприятие человека, который смотрит на этот мир. Сильнее всего эта черта проявляется, конечно, в поэзии. Так, в стихотворении Ильи Аргентума «О, не остави движение планет...» (с посвящением М.К.) психологическое состояние лирического героя определяет весь строй вселенной, космогонические образы поставлены в зависимость от душевной жизни человека. Своеобразная композиция стихотворения соединяет события человеческой жизни и небесные «происшествия»:

О, не мешай лететь кометам в пустоте, // Бегут от неба прочь безумно Персеиды, // И пятна на Луне не думают о тех, // Кто снова ждет меня, кто старые обиды // Забыл в потоке лет, как будто бы воды // Раскинулась волна в зеленом Семиречье. // О, не

останови движения, ведь ты // Тем можешь нанести галактикам увечья. // Ты, снова полюбив, нарушишь ход светил, // Ты ломаешь строй возвышенных созвездий... [1. С. 12]

Тот же самый принцип, при котором движения человеческой души определяют строй окружающей реальности (хотя и в другом эмоциональном ключе), можно обнаружить и в произведениях Анастасии Кулик. В стихотворении «Город» город — это одновременно и пространство, в котором живет и по которому идет лирическая героиня (причем, на наш взгляд, в нем легко угадать признаки вполне определенного города — Санкт-Петербурга), и книга, которую героиня читает, и собеседник героини, и пространство ее души:

Я слушаю время, сквозь стекла витринные, // Иду по асфальту, корчась, // И на стальные и львиные // гривы гляжу — уже полночь. // Вскрикнув зеленым глазом, // Читаю прекрасное облако-Жизнь... // Иду и считаю звезды, // И льет свою лень // Смятый воздух вчерашний. // А в сердце моем что-то очень уж мирно, // И прячется в нем // Странной кляксою счастье, // И время льется по окнам, и видно, // Как бросается шторам в объятья. // И впереди черно-пламенным сгустком // Смольная речка мне в душу впилась, // Просит идти меня лестничным спуском, // Чтоб в такт мое сердце с ней билось. // Вон, огромным и серым томом // Мост, сутулясь, улегся над речкой, // Я стану читать его темным домом, // Я буду читать его взором-свечкой... // Перелистываю моста страницы, // Что-то здесь странно все так написано, // Мало точек: запутанность — кстати, мода! // Да и вообще, одни многоточия, // Глядящие в мутную воду... // Ухожу. Дома, как живые косятся, // Я не хочу назад, мне бессонно, // Но мысли к лампе и койке просятся, // Так навязчиво и не покорно. // Светом фонаря асфальт проколот, // И холод в волосах и кофте, // И смотрит мне в спину озябнувший город. // Город, я спать, позвольте? [1. С. 44—45]

Реальность теряет твердую вещественность и приобретает текучесть, она изменяется вместе с тем, как меняется настроение, чувства и мысли лирической героини.

В меньшей степени данная черта свойственна и прозе, представленной в альманахе. В зависимости от душевного состояния героя реальность может подвергаться тем или иным искажениям, как это происходит, например, в рассказе Киры Зонкер «Тусклый человек». Рассказ построен по принципу неясной фантастики. Появление тусклого человека возможно истолковать и как свидетельство безумия главного героя (от лица которого ведется повествование) — в таком случае смерть его друга Пригодича становится чистой случайностью, и как действительное появление некоего иномирного существа, которое по неизвестной причине вмешивается в жизнь героя. Но как ни толкуй этот сюжетный ход, повествование от первого лица приводит к тому, что мы видим художественную реальность глазами героя — и это размытая, искаженная и пугающая картина.

Вообще повествование от первого лица преобладает в прозаических произведениях, помещенных в сборник: от первого лица написаны все три рассказа Киры Зонкер, два произведения из трех Юлии Куркан (рассказ «Ее последний поцелуй» и сказка «Скидка на принцессу»), в рассказе-цикле Дияра Машрапова «Иван Григорьевич» повествование свободно переходит от первого к третьему лицу, рассказы «Мишель» и «Белки моих глаз» того же автора написаны от перво-

го лица, один из рассказов Гайнель-Хаят Машраповой тоже написан от первого лица (кроме эпилога, в котором повествование переходит к третьему лицу), два произведения из трех Алексея Шихалева — это обращенный к читателю монолог, в рассказах Джона Доу повествование от первого лица сменяется повествованием от третьего лица. Кстати, можно отметить, что местоимение «я» присутствует в названиях четырех (из тринадцати) стихотворений, помещенных в альманах членами общества «Меркурий», и в названии еще одного стихотворения содержится местоимение «моя». Эта формальная черта (преобладание повествования от первого лица) свидетельствует о предельной, так сказать, антропоцентричности творчества авторов альманаха — в центре произведений практически всегда стоит человек, а не мир; «они» интересны постольку, поскольку есть Я. Может быть, с этим связан и тот факт, что в большинстве представленных прозаических произведений очень небольшое количество персонажей — чаще всего один-два, больше гораздо реже. В связи с этим все внимание автора и читателя сосредотачивается на одном герое, он воплощает весь интерес текста.

Смысловое акцентирование внимания на одном персонаже часто сопровождается композиционным противопоставлением этого персонажа остальному миру. Антитеза «персонаж — персонаж» или «персонаж — мир» — постоянный композиционный прием в произведениях авторов альманаха. Уже упоминавшийся рассказ Киры Зонкер «Тусклый человек» начинается с того, что повествователь принимает решение разорвать отношения с миром:

В этом году я стал слишком уж задумчивым и замкнутым, после чего и решил свести общение со знакомыми к незначительным встречам, чтобы не расстроить их резким словом. Терпеть мой характер мог только друг детства Пригодич, однако по воле значимого обстоятельства, которое ранее представлялось мне пустяковым, он уже не мог видеть меня. Одиночество не расстраивало, я даже чувствовал себя спокойнее, вслушиваясь в гулкую тишину квартиры и свой простуженный, трескуче-сухой кашель [1. С. 4].

В рассказе-цикле «Иван Григорьевич» Дияра Машрапова герой также противопоставляется миру. С точки зрения здравого смысла герой абсурден и преступен и изображенный мир тоже абсурден и преступен, но по-другому. Парадокс состоит в том, что абсурдный мир не принимает абсурдного героя, но ни тот, ни другой не замечают своей абсурдности:

Иван Григорьевич Портной, будучи студентом, заметил в своей группе одну красивую особу женского пола. Он долго за ней ухаживал и был очень вежлив. Дарил ей розы, посвящал стихотворения и водил в рестораны. Конечно, такое не мог себе позволить простой студент. Но Иван Григорьевич не был обычным. Он был очень одаренным молодым человеком, а еще его отец был крупным бизнесменом.

Однажды Иван Григорьевич сказал ему о своих намерениях жениться на своей избраннице, на что тот ответил отказом. До той поры Портной не сообщал отцу, на что тратит его деньги.

Серьезной проблемой обзавелся молодой студент. Ему даже перестали давать деньги. И однажды в порыве безумия он примчался в офис к отцу и прилюдно четвертовал его.

Затем помчался к своей пассии, и предложил ей свои руку и сердце. Девушка согласилась. Свадьбу сыграли роскошную. Молодожены даже бросили учебу, так как

Иван Григорьевич получил наследство, а грызть гранит науки было лень. Обеспечены же они были на полжизни вперед. По крайней мере, им так казалось. Потому что деньги закончились через двенадцать лет. А это далеко не полжизни. Но не будем о грустном.

Иван Григорьевич ведь действительно, в прямом смысле этого слова, завоевал сердце своей жены своим Великим поступком, убив своего отца. Бизнес которого перешел в руки Скряги Вадима Анатольевича.

Честно признаться, нового владельца работники сразу не возлюбили за его фамилию. Хотя Скряга скрягой не был. Даже напротив. Вполне себе щедрый [1. С. 40].

Впечатление абсурдности повествования в данном случае усиливается примитивным синтаксисом и серьезной, лишенной заметной иронии интонацией, которые создают впечатление, что автор просто сообщает факты.

Вывод

Таким образом, можно отметить, что все описанные выше особенности выполняют в альманахе роль скреп. Они делают альманах не просто сборником, но определенным художественным единством, показательным для развития молодой русскоязычной литературы, которая, начавшись в сети, постепенно выходит на издательский уровень.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Нигилист: Литературно-художественный альманах. Павлодар, 2015. 85 с.

Для цитирования: Гаранина Е.П., Токатова Л.Е. Особенности молодой русскоязычной литературы Казахстана (на материале альманаха павлодарского поэтического общества «Меркурий») // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 108—117.

FEATURES OF THE YOUNG RUSSIAN-SPEAKING LITERATURE OF KAZAKHSTAN (ON THE MATERIAL OF ALMANAC BY PAVLODAR LITERARY SOCIETY "MERCURY")

E.P. Garanina, L.E. Tokatova

*Pavlodar State Pedagogical Institute
Mira str., 60, Pavlodar, Kazakhstan*

The article considers some meaningful and artistic features of the creativity of young Russian-speaking writers of Kazakhstan on the example of the anthology «Nihilist», published by Pavlodar literary society «Mercury». Self-reflection, subjectivization and anthropocentricity are the characteristic features of the creativity of this authors.

Key words: regional literature, Russian-language literature of Kazakhstan, artistic unity, subjectivization, anthropocentricity

REFERENCES

- [1] Nigilist: Literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Pavlodar, 2015. 85 s. [Nihilist: literary almanac. Pavlodar, 2015. 85 p.]

For citation: Garanina E.P., Tokatova L.E. Osobennosti molodoj russkoyazychnoj literatury Kazahstana (na materiale al'manaha pavlodarskogo poehticheskogo obshchestva «Mercurij») [Features of the youn Russian-Speaking Literature of Kazakhstan (on the material of almanac by Pavlodar literary society “Mercury”)] Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 108—117. (In Russian)